

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ, том XVII

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПО ИСТОРИИ И ФИЛОЛОГИИ
НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

ПОСВЯЩЕННЫЙ
80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. А. СЕМЕНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
Сталинабад—1953

М. Р. РАХИМОВ

МЕРЫ СЫПУЧИХ ТЕЛ У ТАДЖИКОВ БАСЕЙНА РЕКИ ХИНГОВ

Классики марксизма-ленинизма оставили нам гениальные указания по вопросам возникновения и развития математики, которые в значительной мере относятся также к метрологии. «Как и все другие науки, — говорит Ф. Энгельс, — математика возникла из практических нужд людей: измерения площадей земельных участков и вместимости сосудов, из счисления времени и их механики. Но, как и во всех других областях мышления, законы, абстрагированные от реального мира, на известной ступени развития отрываются от реального мира, противопоставляются ему как нечто самостоятельное, как явившиеся извне законы, с которыми мир должен сообразоваться».¹

Уровень развития земледельческого хозяйства отражается на системе измерения. Изучение народной метрологии и истории ее развития представляет поэтому значительный интерес. Народная метрология открывает перед нами богатую историю народных знаний и народной мудрости в части различных систем мер, которые возникли еще в глубокой древности, без которых трудовой народ не мог точно и правильно заниматься своей хозяйственной деятельностью. Народная метрология (меры сыпучих тел, меры веса, длины, поверхности, жидкости и проч.) занимает большое место в экономической жизни крестьянина, а также необходима для развития обмена.

Однако этот важный вопрос конкретно для Средней Азии остается пока весьма плохо изученным, несмотря на то, что им интересовались некоторые исследователи. Сейчас мы можем назвать лишь несколько специальных статей, посвященных отдельным вопросам метрологии и хронологическим периодам.²

Между тем, в Средней Азии, в зависимости от экономических условий и времени, в разных местах функционировали разные меры веса, и даже в XIX веке в разных городах и областях они совершенно не были унифицированными, хотя после присоединения этого края к России бо-

¹ Фридрих Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1948, стр. 37

² Н. П. — в. Веса и меры в Средней Азии (торговый вес). Газета «Туркестанские ведомости», 1874, № 33; Казбеков Ю., Туземные меры и веса в Ферганской области, газета «Туркестанские ведомости», 1877, № 6; Дьяконов М. М., Бронзовая гиря с именем Исмаила Самани. Труды отдела Востока, т. 2, Л., 1940, стр. 165-176; Давидович Е. А., К вопросу о размерах мискаля и батмана в XV — первой половине XVIII веков. Доклады АН Узбекской ССР, Ташкент, 1951, № 5, стр. 50-54; Воронина В. Л., К вопросу о древней метрологии Средней Азии. КС ИИМК, 1951, вып. XXXIX, стр. 63-68.

Большая исследовательская работа по метрологии Востока и, в частности, Средней Азии осуществлена проф. А. А. Семеновым. К сожалению, результаты его исследований еще не опубликованы и лишь частично освещались им в многочисленных курсах по метрологии Востока, прочитанных им в Средне-азиатском Государственном университете в Ташкенте, в Таджикском государственном университете, Педагогическом институте в Сталинабаде и в других местах.

лее широкое распространение получили отдельные единицы, близкие русским мерам.

В качестве примера можно привести размер мана или батмана, как основной единицы веса для взвешивания больших тяжестей, а также и для измерения земельных площадей. Этот ман (или батман) в XIX в. сильно варьировал в разных областях Средней Азии.

Так, например, бухарский и самаркандский батманы XIX века равнялись 8 пудам.¹ В дореволюционном Ташкенте и его окрестностях батман был выше 10,5 пудов. В Ура-Тюбе батман был равен 16 пудам; в Джизаке — 8 пудам; в Ходженте (ныне Ленинабаде) — 12 пудам; в Катта-Кургане — 8 пудам; в Хиве — 1 пуду 7 фунтам; в Заамине — 4 пудам.² Столь же сильно варьируют единицы веса в Иране, Турции, Индии и пр.

Такое разнообразие требует конкретно-исторического изучения всех мер самостоятельно в каждом месте. Именно поэтому мы уделили специальное внимание вопросу о системе мер сыпучих тел у изучаемых нами таджиков бассейна реки Хингов.

Результаты наблюдений и опросов излагаем ниже, присовокупляя к этому некоторые скопившиеся у нас сравнительные данные по бывшим Кулябскому и Каратегинскому бекствам, относящиеся к XIX и началу XX веков.

* * *

Вопрос о мерах веса, длины, сыпучих тел, употреблявшихся горными таджиками, в литературе освещен очень плохо. Правда, некоторые дореволюционные и советские авторы уделяли известное внимание этому вопросу, но обычно лишь мимоходом, причем иногда всего в двух-трех словах называли существовавшие до революции у таджиков (как равнинных, так и горных) единицы меры и веса.³

¹ Н. П. — в. Весы и меры в Средней Азии. «Туркестанские ведомости», 1874, № 33; Давидович Е. А., К вопросу о размерах мискаля и батмана в XV — первой половине XVIII вв., 53 стр. В «Истории народов Узбекистана», т. II, Ташкент, 1947, на стр. 158 (в примечании) для Бухары и Самарканда первой половины XIX века приведен батман в размере 6 пудов. Точный размер бухарского батмана XIX века дает Н. Ханьков. Он считает, что бухарский батман равен 7 пудам, 32 фунтам и 48 золотникам. (Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 113-114).

² Н. П. — в. Весы и меры в Средней Азии. Указ. изд.

³ См. Ханьков Н. В., Описание Бухарского ханства. Указ. раб., стр. 112-114; Ошанин В. Ф. Письмо из Гарма. «Туркестанские ведомости», 1878, № 38; Юхновский Н. Несколько слов об условиях жизни в горах Дарваза и в долине реки Ванча. «Туркестанские ведомости», 1894, № 65; Арандаренко Г. А. Каратегин. Военный сборник, 1878, № 5, стр. 120-125; Его же. Каратегин и Дарваз. Досуги в Туркестане. СПб., 1889, стр. 448; Андреев М. С., Вахие. Газета «Туркестанские ведомости», 1899, № 93; А. А. Семенов. Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза. Москва, 1903, стр. 52; Снесарев (А. Е.), подполковник. Восточная Бухара (военно-географический очерк). Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. XXIX, СПб., 1906, стр. 64-65; Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и иш-кашимцы). Очерк быта по путевым заметкам. Москва, 1908, стр. 79; Пославский Ю. И. Экономический очерк Таджикистана. «Таджикистан», сборник статей, Ташкент, 1925, стр. 182-183 и 190; Андреев М. С. Поездка летом 1928 г. в Касанский район (Северная Фергана). Изв. о-ва для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, т. I, Ташкент, 1928, стр. 123-125; Отдельные меры приводятся также в Энциклопедии Ислама.

При этом следует отметить, что некоторые исследователи неправильно считали, будто бы горные таджики Каратегина и Дарваза не имели даже понятия о каких-либо системах измерения. В качестве примера можно привести сведения о населении Каратегина в энциклопедическом словаре И. Н. Березина, сообщающие, что жители Каратегина «ничего не знают ни о весе, ни об измерении расстояния».¹

Точно также, следуя за Арандаренко и цитируя его, писал И. П. Минаев: «Жители этой страны (Каратегина — М. Р.), не имеют никакого представления о мерах длины и мерах поверхности, даже по той градации, которая известна у туземцев долины (равнинной части Средней Азии — М. Р.). ...мера торгового веса также неизвестна; своих денежных знаков они не имеют, а с серебряною монетою, существовавшей в соседнем Гиссаре, знакомы немногие».²

В таком же духе дает сведения о населении Ванча и Дарваза Н. Юхновский, который писал: «Население долины Ванча находится в таком же первобытном состоянии, как и прочее население Дарваза. Деньги, меры и вес им почти неизвестны; торговля исключительно меновая. При определении ценности какого-либо предмета единицею служит карбас, кусок местной грубой бумажной ткани».³

Другой военный чиновник царского правительства, подполковник Снесарев, писал: «У горцев до прихода бухарцев (до 70-х годов XIX века — М. Р.) не было никаких мер ни длины, ни емкости, не было и денежных знаков; все это не более 20-25 лет тому назад появилось из Бухары, а отчасти было занесено из Ферганы».⁴ «Но еще до появления иноземных мер, — добавляет он, — горцы начали уже в качестве единицы емкости употреблять головную ермолку (калятуш),⁵ а единицей базарного расчета принимать кусок бязи (карбаз)⁶ в 12 аршин, сколько идет его на одну пару нижнего белья».⁷

Собранный нами⁸ и приводимый ниже материал показывает, что эти авторы ошибались, целиком или почти целиком отрицая существование самобытных систем мер у горных таджиков. Горные таджики были знакомы с системой мер, хотя эти последние были у них очень примитивными. У горных таджиков Каратегина и Дарваза, в том числе и у таджиков бассейна реки Хингов, издавна, еще до прихода бухарцев, существовали разнообразные меры: меры сыпучих тел, меры длины, меры поверхности и т. п. В начале нашего столетия, в связи с неко-

¹ Русский энциклопедический словарь, издаваемый проф. С-Петербургского университета И. Н. Березиным, СПб., 1878, под рубрикой Каратегин, стр. 47.

² Минаев И. П., Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879, стр. 241; см. также Арандаренко Г. А. Каратегин. Военный сборник, 1878, № 5, стр. 120-125.

³ Юхновский Н., Несколько слов об условиях жизни в горах Дарваза и в долине реки Ванча. «Туркестанские ведомости», 1894, № 65.

⁴ Снесарев. Восточная Бухара, цит. раб., стр. 64.

⁵ Искажено слово «каллапуш», вернее «тоқй».

⁶ Искажено слово «карбос» — хлопчатобумажная ткань местного изделия.

⁷ Снесарев. Указанная работа, стр. 64.

⁸ Относительно системы мер у таджиков бассейна реки Хингов нами были собраны материалы во время поездки 1949 и 1950-51 гг. у местных старожилов, хорошо знающих метрологию своего района. Здесь мы укажем самых главных: Карим Робиа, житель кишлака Гурбадара, Пуштарогского к/совета, 71 год; Рустамов Гадо, житель кишлака Сафедорон, того же к/совета, 80 лет; Халилов Расул, житель кишлака Кулумбаи боло, Сагир-даштского к/совета, 71 год; Бахаров Шариф, житель кишлака Тавиль-Дара, Дехи-калонского к/совета, 72 года; Ходжаев Мансур — работник райуполминзга Тавиль-Даринского района, 40 лет; Бозоров Асо, житель кишлака Девлохи-Калон, Чильдаринского к/совета, 100 лет и др.).

торым оживлением торговли, кроме местных единиц измерения появились меры веса, проникшие сюда преимущественно из Куляба и других более культурных соседних районов.

* * *

Общераспространенными местными мерами сыпучих тел, которые употреблялись жителями бассейна реки Хингов, являлись «мушт» — «горсть из одной руки» и «хамб» — «горсть из двух рук». Эти меры употреблялись, когда брали займы небольшое количество зерна или другого сыпучего тела, или же во время обмена сушеных фруктов на зерно и т. п.

Кроме того, при обмене предметами широкого потребления часто применялись деревянные чаши («коса», «табакча») и глиняные блюда («фудора»), в которые вмещалось приблизительно, от 500 граммов до одного килограмма. Чаще всего для обмена употребляли тибетейку («токи»), в которую вмещалось 1300-1330 граммов зерна.¹

Более крупной мерой сыпучих тел являлось деревянное блюдо — «табак». Табаки были двух видов — малый и большой. В малый табак вмещалось три тибетейки зерна, а в большой 9, 12, 16 и 20 тибетеек. Шестнадцать маленьких табачков составляли один ман, или, как еще называют его в других районах ботман (батман).² Один ман малыми блюдами составлял, приблизительно, 4 пуда или немного больше. Точно так же 16 больших блюд составляли один ман, который приблизительно равнялся 11, 16, 20, 25 пудам. Большое блюдо у таджиков бассейна реки Хингов употреблялось только во время взвешивания или измерения чистого зерна на гумне, когда отделяли одну десятую часть урожая для выплаты налога «ушр». Это блюдо у таджиков данной местности носило название «табаки нӯх» («блюдо-девятка»), потому что хозяин гумна, выделяя $\frac{1}{10}$ часть урожая в качестве налога, отсыпал для этого одно блюдо и брал себе 9 блюд. Поэтому крестьяне количество оставшегося у них зерна после сдачи ушра, всегда считали «девятками» — «одна девятка» («як нӯх»), «две девятки» («ду нӯх»), «три девятки» («се нӯх») и т. д.

Ман по малому блюду употреблялся значительно шире: для измерения земельных участков количеством высеваемого зерна, в торговле и пр. Как было сказано выше, такой ман равнялся шестнадцати деревянным блюдам, в каждом из которых вмещалось три тибетейки зерна, т. е. составлял более 4 пудов.

К краю такого блюда приделывалась железная петля («занчир» — «цепь»), чтобы это весовое блюдо отличалось от всех других блюд. Это блюдо называлось «блюдом мана» — «табаки ман», или «торговым блюдом» — «табаки савдо». В каждом селе существовало два-три таких блюда, которые являлись официальными стандартными единицами измерения.³

¹ Все эти цифры мы установили при помощи взвешивания зерна на весах и приводим здесь средние полученные данные.

² О значении терминов «ман» и «батман» см. Barthold W. The Encyclopedia of Islam, v. 1, Leyden—London, 1913, под рубрикой *Batman*, стр. 680.

³ Крестьяне, желающие иметь в своем хозяйстве такое торговое деревянное блюдо, заказывали его мастерам, изготовляющим деревянные блюда, причем, размер такого блюда тщательно сверялся с уже существующими блюдами этого рода. Но такие домашние блюда — меры не считались официальными и употреблялись только в своем хозяйстве.

Такие блюда раньше существовали и в Каратегине, и шестнадцать блюд составляло один ман или батман (в местном говоре — «бодман»).

Исследователи горных районов Таджикистана в своих работах приводят различные размеры мана. Так, например, Г. А. Арандаренко отмечает, что батман в Каратегине и Дарвазе весит четыре пуда.¹ М. С. Андреев считает, что в Вахиё ман равняется одиннадцати пудам.² В. Ф. Ошанин в своём письме от 25 августа 1878 года пишет, что «Каратегинский батман равен 15 чашкам (автор ошибается на одну чашку-блюдо — М. Р.), чашка равна 3 тюбетейкам, насыпанным верхом».³ А. А. Семенов каратегинский батман считает равным 9 пудам.⁴

В других районах бывшей Восточной Бухары, например, в Кулябских и Бальджуанских бекствах, размеры мана или батмана были иными, причем производилось взвешивание на весах, а также существовали каменные гири. По собранным нами сведениям, в Сари-Хосорском, Кулябском, Дашти-Джумском районах батман до революции весил почти 20 пудов. Но почему-то подполковник Снесарев вес батмана в Кулябском бекстве считает совсем иным. Он пишет: «В Кулябском бекстве в ходу та же теньга (15-20 копеек — М. Р.); из других мер: батман, который здесь чуть ли не самый большой в Бухаре, в 16 пудов: чувал (кан)⁵ весит пол мана, т. е. 8 пудов; нимча — двум пудам и санг (или таш) 1,64 часть батмана или 10 наших фунтов».⁶

Собранные нами данные по Кулябской области, которые неоднократно проверялись, дают точное понятие о манах и других весовых единицах измерения, применявшихся в данной области. Один кулябский санг (камень) составлял 5 кг., нимча — 8 сангов, нихмурд — 32 санга, ман — 2 нихмурда или 64 санга или же 320 килограммов, т. е. 20 пудов.⁷

Также не соответствуют собранным нами данным сведения, сообщаемые Снесаревым о каратегинском батмане. «В Каратегине,—пишет он, — пришлось слышать о следующих мерах: о чарике (чорьяке или чойраке — М. Р.), соответствующем нашим 5 пудам, батмане, который здесь равняется 9 пуд. 27 фунтам, товাকে или чашке (тавак или табак — М. Р.), вмещающий — $\frac{1}{32}$ батмана или 12 наших фунтов...».⁸ Снесарев, повидимому, в качестве единицы определения батмана брал не наиболее употребительное блюдо («табаки сетокия» — «трехтюбетейное блюдо», в которое вмещалось три тюбетейки зерна), а одно из больших блюд, которые употреблялись при выплате ушра из кучи отвеянного зерна на хирмане (на току). Такая ошибка произошла, видимо, от того, что Снесарев больше всего имел связь с чиновниками и местными правителями, а не с простым народом. Поэтому он и учел только то большое блюдо, которое употреблялось для уплаты натурального налога правительству. Выше уже говорилось, что в Каратегинском бекстве как и в Дарвазском, в бассейне реки Хингов, в качестве ос-

¹ Арандаренко Г. А., Каратегин и Дарваз. Указ. соч., стр. 448.

² Андреев М. С., Вахиё. Указ. издание.

³ Ошанин В. Ф., Письмо из Гарма. Указ. издание.

⁴ Семенов А. А., Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза. Указ. изд., стр. 52.

⁵ Искаженное слово «чувол» или «қол» — мешок.

⁶ Снесарев. Восточная Бухара, Указ. соч., стр. 65.

⁷ Полевые записи в августе и сентябре 1948 и 1949 гг.

⁸ Снесарев. Восточная Бухара. Указ. раб., стр. 65.

новой единицы измерения земельных площадей и при различных торговых сделках употребляли только малое блюдо.

Приводим данные единицы измерения сыпучих тел в бассейне реки Хингов, которые встречались нам также и в Каратегине.

1. Ман по малому блюду:

Одна тюбетейка = 1 кг. 300 гр. или 1 кг. 330 гр.

Один табак = 3 тюбетейки = 3 кг. 900 гр.

16 табаков = 1 ман = 64 кг. 400 гр.

2. Ман по большому блюду:

1) 1 табак = 9 тюбетеек = 11 кг. 700 гр.

16 табаков = 1 ман = 187 кг. 200 гр.

2) 1 табак = 12 тюбетеек = 15 кг. 600 гр.

16 табаков = 1 ман = 149 кг. 600 гр.

3) 1 табак = 16 тюбетеек = 20 кг. 800 гр.

16 табаков = 1 ман = 332 кг. 800 гр.

4) 1 табак = 20 тюбетеек = 26 кг.

16 табаков = 1 ман = 416 кг.

В некоторых селениях бассейна реки Хингов — Пагула, Загара, Тутто, Каранак и пр., расположенных по соседству с Кулябом, до революции (по рассказам стариков-старожилов), кроме местных единиц измерения, существовали еще и следующие, заимствованные, вероятно, из Куляба: «кадок», «гарибак», «ясирак», «нимсанг», «санг», «нимча» и «нимхурд».

К сожалению, наши информаторы не помнили даже приблизительно размеров указанных единиц веса. Думается, что эти меры в перечисленных кишлаках бассейна реки Хингов сохранили те же размеры, которые свойственны этим мерам в районах нынешней Кулябской области, откуда они были заимствованы.

Нам удалось выяснить в Дашти-Джумском районе, Кулябской области в кишлаке Йол (Ел)¹ и в Оби-Гармском районе Гармской области, в кишлаках Оби-Гарм и Элок,² что там названные единицы имели следующие размеры:

1) Единицы веса в кишлаке Йол, Дашти-Джумского района:

Наименование единицы веса	Выражение в граммах
Кадок	317 гр.
Гарибак	500 гр.
Ясирак	1.250 гр.
Нимсанг = двум ясиракам	2.500 гр.
Санг = четырем ясиракам	5 кг.
Нимча = четырем сангам	20 кг
Нимхурд = 32 сангам	160 кг
Ман = двум нимхурдам	320 кг

¹ Полевые записи от 20 августа 1949 года.

² Полевые записи от 16 августа 1952 года.

2). Единицы веса в кишлаках Оби-Гарм и Элок, Оби-Гармского района

Наименование единицы веса	Выражение в граммах
Кадок или кабирак	634 гр. ³
Нимча=1/2 кабирака	3.7 гр.
Чорьяк или мискинак=2 кадока	1.268 гр.
Гарибак=2 кадока	2.536 гр.
Санг или эсирак (ясирак)=8 кадоков	5.072 гр.
Этимак (ятимак) 16 кадаков=4 гарибака	10.300 гр.
Нимхурд=4 эсирака=4 санга=32 кадока	50 кг.
Ман=16 нимхурдов	320 кг.

Единицы веса «гарибак», «ясирак» встречались М. С. Андреевым в Ура-Тюбе, а «хурд» — в Афганистане.² Но сколько они весили, об этом автор ничего не сообщил. Кроме того, он же у таджиков Касанского района (Северная Фергана) обнаружил «нимхурд», который равнялся 100 пейсам, а также «чойрак», который был равен 5 пудам 13 1/3 фунтам.³

Из вышеизложенного материала сделаем краткие выводы:

1. Таджикки бассейна реки Хингов и всего бывшего Дарвазского бекства имели свои самобытные, довольно примитивные меры сыпучих тел. В основе этих мер не лежал какой-либо совершенно определенный и точный эталон, что препятствует точному переводу их на современные метрические меры. Их основной и исходной единицей была горсть из одной руки, пригоршня из двух рук, затем шла тюбетейка, деревянная и глиняная чашка и деревянные блюда разных размеров.

2. Основной наиболее распространенной, стандартной и официальной мерой являлось деревянное блюдо, вмещающее три тюбетейки (тоқй) или около 3900 гр. зерна. Большие блюда емкостью в 9, 12, 16 и 20 тюбетеек зерна не были широко распространенной мерой и употреблялись почти исключительно при отмеривании 1/10 доли урожая для выплаты натурального налога (ушр).

3. Размеры мана не были стандартными, так как в основе мана не лежала какая-либо точная мера, а только блюдо (табак). Размеры мана менялись в зависимости от того, какого размера табак брался за исходную единицу.

4. Весовые единицы кадок, гарибак, ясирак, нимсанг, санг, нимча, нимхурд и пр. были заимствованы в начале XX века у кулябских таджиков. В это же время из некоторых областей Ферганской долины проникали в бассейн реки Хингов некоторые единицы веса, как «чорьяк», или «чойрак» и «пайса», в результате того, что горцы систематически ходили туда на сезонные заработки. Горцы бассейна реки Хингоу «чорьяк» и «пайса» употребляли, главным образом, для измерения количества чая и красок.

¹ Старожилы этих кишлаков указывали только приблизительные размеры кадока в граммах. Исходя из этого мы все единицы веса последней таблицы выражали в граммах.

² См. Андреев М. С., Поездка летом 1928 г. в Касанский район (Север. Ферганы), цит. изд., стр. 123.

³ Там же. Относительно этих единиц веса в других районах Средней Азии XIX века и других странах за его пределами подробные сведения дают некий Н. П-в (Весы и меры в Средней Азии. Указ. изд.), а также Ю. Казбеков (Туземные меры и весы в Ферганской области. Указ. изд.).

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ, т. СХХ

ПАМЯТИ
МИХАИЛА СТЕПАНОВИЧА
АНДРЕЕВА

СБОРНИК СТАТЕЙ
по истории и филологии
народов Средней Азии

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
СТАЛИНАБАД
1960

М. РАХИМОВ

НЕКОТОРЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ СО
СКОТОВОДСТВОМ, У ТАДЖИКОВ КАРАТЕГИНА
И ДАРВАЗА

До революции скотоводство наравне с земледелием играло в хозяйстве таджиков Каратегина и Дарваза большую роль. Оно обеспечивало население рабочим скотом (для пахоты, молотьбы, перевозки сена и хлебов), давало навоз, шедший на удобрение полей и на топливо, доставляло продукты питания (мясо, сало, молоко, сыр, масло), кожу на обувь, шерсть на одежду. Как и земледелие, скотоводство—древнее занятие таджиков, о чем свидетельствуют любовь к животным, выработанные традиционные приемы ухода за скотом и целый комплекс обычаев и обрядов, связанных со скотоводством.

Обычаи и обряды таджиков, связанные со скотоводством, изучены еще недостаточно. Сведения о них имеются в работах М. С. Андреева, Е. М. Пещеревой и Н. А. Кислякова.¹ В большей части этих работ приводятся обычаи и обряды, связанные с молочным хозяйством таджиков, преимущественно горных. Более полно описаны обычаи и обряды, связанные со скотоводством, в главе «Скотоводство» недавно вышедшего в свет в. II монографии М. С. Андреева «Таджики долины Хуф».²

В данной статье мы хотим коснуться некоторых обычаев и обрядов, связанных с сохранением и умножением поголовья скота, с уходом за ним, и некоторых народных представлений о животных в Каратегине и Дарвазе.³

До революции в Каратегине и Дарвазе скот зимой содержался в хлевах в течение 4—5 месяцев. Отгон скота на зимние пастбища в долины Ях-Су и Кызыл-Су начал практиковаться только после организации колхозов. Ранней весной скот выгоняли на пастьбу в ближайшие окрестности селения. Пасли его пастухи, выделяемые по очереди владельцами скота. Для первого выгона скота на пастбище выбирался по поверью осо-

¹ М. С. Андреев, По этнографии таджиков (некоторые сведения), сб. Таджикистан, Ташкент, 1925, стр. 167—169; он же, Таджики долины Хуф, в. I, Тр. АН Таджикской ССР, т. 7, Сталинабад, 1953, стр. 134—135; Е. М. Пещерова, Молочное хозяйство горных таджиков и связанные с ним обычаи, сб. По Таджикистану. Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 году, в. 1, Ташкент, 1927; Н. А. Кисляков, Древние формы скотоводства и молочного хозяйства у горных таджиков бассейна р. Хингоу, Изв. ТФАН СССР, История и этнография, № 15, Сталинабад, 1949, стр. 37—46.

² Сталинабад, 1958, стр. 114—150.

³ Излагаемые в настоящей заметке материалы собраны в 1948—1954 гг.

бо благоприятный день, обычно среда или четверг. В этот день каждый хозяин или хозяйка дома набирали в какую-нибудь посуду или в тубетейку немного семян льна, ячменя или пшеницы и бросали эти семена впереди, позади и над скотом. Считалось, что обилие разбросанных зерен льна, ячменя и пшеницы обеспечит весной такой же обильный приплод у скота (тулшуна зиёд мекунад).

Во время отела или окота хозяева тщательно следили прежде всего за тем, чтобы овца или, в особенности, корова не съели последа (хас), отчего животное может заболеть и даже погибнуть.

Принимались меры, чтобы уберечь появившийся приплод от возможного вреда со стороны злых духов. Для этого родившую скотину окуривали дымом горящей тряпки. Этот дым должен был, как считалось, отогнать появляющихся дивов и других духов, которые стремятся понюхать вымя животного. Если это удается, вымя опухает и корова перестает давать молоко или заболевает, может даже погибнуть. В некоторых кишлаках Каратегина и Дарваза считают, что если вымя коровы или овцы понюхает ласка (мири мушон), то животное тоже перестает давать молоко.

С молодняком скота связан обычай «мафтул» (от арабск. «скрученный», «свитый», «мафтул бастан»). По этому обычаю, сразу после появления на свет ягненка или козленка дети стремились перевязать ему веревочкой ножку. Животное считалось собственностью того, кто первый успел это сделать.¹

Ряд обычаев и обрядов связан с предохранением скота от «дурного глаза», который, как считалось, мог вызвать гибель приплода, уменьшение удоев и т. п. Так, именно из этих соображений в хлева, особенно в хлева мелкого рогатого скота, не допускали чужого человека. Если, например, кто-либо из жителей селения не досчитывался своих овец и предполагал, что они могли попасть вместе с чужими овцами в чей-нибудь хлев, он, по обычаю, не должен был заходить в этот хлев, а просил сделать это самого хозяина и должен был удовлетвориться его ответом об отсутствии в данном хлеву его животных.² Если случайно кто-либо заглянул в хлев и после этого заболело, погибло или потеряло животное, принадлежащее хозяину этого хлева, то считалось, что случившееся с животным — результат сглаза. Чтобы противодействовать этому и обеспечить выздоровление заболевшего или отыскание пропавшего животного следовало незаметно оторвать кусочек ткани или выдернуть нитку из одежды человека, считающегося виновником происшедшего несчастья, и дымом зажженной тряпки или нитки окуривать как заболевшее животное, так и остальной скот.

Считалось, что можно предотвратить действие дурного глаза, прочтя заклинание и по окончании его незаметно дунув в сторону человека, который похвалил скот или взглянул на него с недобрыми чувствами.

Заклинания:

Кулхуваллоху аҳад, аллоху самад

Кӯр шавад чашми ҳасад.

Ва мин шарри нафосоти фил'уқадӣ

Ва мин шарри ҳосидин изо ҳасад.

¹ Этот обычай применяется в шутильной форме и в ряде других случаев. Например, если сватали уже просватанную девушку, то сватающим отвечали, что эта девушка уже «мафтул бастагинст» — занята.

² Ср. М. С. Андреев, Таджикские долины Хуф, в. II, Тр. АН Таджикской ССР, т. LXI, Сталинабад, 1958, стр. 131.

Скажи: «Он (бог) один и вечен».

Да ослепнут глаза завистника.

И (да охранит бог) от зла дыханий (заключенных?)

в узлах (заговоров?)

И от зла завистников, полных зависти.

Или:

Ё асад, ё асад

Чашми бад бало расад

Ва мин шарри нафосоти фил'укаддӣ,

Ва мин шарри хосидин изо хасад.

О лев, о лев!

Пусть беда постигнет завистника.

И (да охранит бог) от зла дыханий (заключенных)

в узлах (заговоров?)

И от зла завистников, полных зависти.

Произнеся заклинание, следовало еще три раза произнести слова: «Хасратат дар сари худат» (Пусть твоя зависть обратится на тебя самого) и плынуть в сторону человека, против которого оно обращено (эти же заклинания читали и в других случаях, например, если опасались, что кто-либо сглазил ребенка, и т. п.).

Для предохранения скота от сглаза часто брали у муллы амулеты (тумор) и подвешивали их на рога животных. Особенно оберегали от «дурного глаза» дойных животных, имеющих большое вымя. У таких животных к вымени подвешивали тумор, чтобы взгляд смотрящего сначала попадал на тумор, который якобы ослабляет силу сглаза и предохраняет животное от пропадания молока.

В старом быту горных таджиков существовало много заклинаний, направленных против волков, которые зимой ночью часто пробирались в хлева, а летом—в загоны. Характерно, что эти заклинания обычно читались не на арабском, а на таджикском языке. Хозяин или хозяйка скота брали горсть земли, прочитывали трижды над ней заклинание (если не знали, просили это сделать кого-либо знающего) и, трижды, дунув на землю, рассыпали ее вокруг хлева и на крыше. Считалось, что после этого волк не мог пробраться в загон, а если бы и пробрался, то не мог открыть пасть и причинить скоту вред.²

Заклинания против волков:

Санг дар сангов,

Кунда дар биёбон.

Бастам забони гургон.

Ман на бастам,

Али бастаст.

Ба ҳаққи шоҳи мардон.

Камни на отмелях реки,

Пни в пустыне.

Я завязал пасть волков.

Не я завязал.

Али завязал.

Клянусь царем богатырей.³

¹ Лев—прозвище Али.

² Существовало поверье, что если волк приблизился к скоту с закрытой пастью, то даже без заклинания он не может причинить ему вреда. Опасен для скота он только тогда, когда нападает с открытой пастью.

³ Царь богатырей—царь мужей—эпитет Али

Это заклинание называется «связывание пасти волков» (забони гургонро бастан).

Другое заклинание, тоже, по-видимому, направленное против волков, читается в случае потери скота. Оно называется «курхат» (ослепляющее письмо). Обычно его не пишут, а читают наизусть от 3 до 7 раз и затем дуют на лезвие ножа, на семь камешков, взятых из каменистого русла реки, на сжатый кулак или на завязи ворота рубахи. В последнем случае каждый раз при прочтении заклинания эти завязки завязывают.

Заклинания «курхат»:

Афтови зарди зарнигор,
 Дар паси кӯхи парвардигор
 Чор ёр омад савор,
 Чорпои моро нигах дор!
 О, солнце желтое, золотистое!
 Ты скрываешься за горой.
 Приехали верхом четыре халифа (Абубакр, Умар, Усман, Хайдар),
 Сохраните наших животных!

Или:

Ё бори худои пуриноят!
 Покиза карими баниҳоят!
 Мо хамин чорпо ба ту супурдем,
 Ту низ расон ба мо саломат.
 О милостивейший боже!
 О беспредельно чистый и великодушный!
 Мы вручаем тебе это животное,
 А ты верни нам его невредимым.

Некоторые читали этот курхат в следующей шуточно искаженной форме:

Курхат кардам амунаг
 Ба поресаҳи хунаг.
 Аз қариё Сихамбунаг,
 Дар чуқуриё бикафунат.

Я составил заговор (буквально—«ослепляющее письмо»)
 Под залог балок твоего дома.
 Пусть сгонит тебя невредимым (волк) с крутых склонов,
 Пусть задерет тебя в ущельях.

При чтении курхата существовал ряд суверных примет. Считалось, что если человек, желающий прочесть курхат, сразу вспомнит его начало, то пропавшее животное найдется быстро; если не вспомнит сразу, то оно найдется нескоро; если забудет середину курхата, то животное заблудилось, находится в опасности; если же совсем не сможет вспомнить, то это значит, что животное погибло, его задрал волк или оно упало с обрыва.

Курхат может быть использован не только в случае потери скота, но и в случае потери какой-либо вещи. Тогда слово «чорпо» (животное) заменяется в нем словом «чиз» (вещь).

Существовали еще некоторые другие суеверия, связанные с потерей скота. Например, считалось, что если человек будет целовать овец, коз, коров, лошадей, то они подвергнутся нападению волков или могут пропасть. Отсюда вытекали соответствующие запреты.

Существовал также, как и везде у горных таджиков, обычай окуривания хлева в селении или загона на дровяке дымом сушеного болотного

лука (камч) или руты (испанд) при первом введении в них скота. Прежде всего это делалось при введении скота в новый хлев, но также и при первом входе скота в загон на летовке, при первом введении скота, вернувшегося с летовок, в хлева в селении и т. п. Дым курения должен был отогнать от скота нечистую силу и предохранить его от бедствий.

Отметим еще ряд магических действий, которые должны были обеспечить обилие скота в доме. Прежде всего к ним относится отмечаемое почти всеми исследователями нанесение при новогодней уборке дома магических рисунков на передней стене или на стене внутри помещения. В Каратегине и Дарвазе эти рисунки наносятся красной глиной и называются «кушқорак» или «шохи кушқор», т. е. «баран-производитель» или «рога барана-производителя».

Некоторые магические действия производились и при купле-продаже скота или передаче его кому-либо (например, в составе вена). Во всех кишлаках Каратегина и Дарваза, расставясь по тем или иным причинам со своим скотом (коровой, быком, лошадыю) и выводя его из хлева, хозяин вырывал со лба, хвоста и гривы проданного животного пучок шерсти и сохранял его в доме или же бросал обратно в хлев для того, чтобы, во-первых, оставить благодать уходящего животного в доме, а во-вторых, обеспечить приход в ближайшем будущем нового скота на место ушедшего.¹

Если же хозяин покупал скот, то он брал немного муки, сыпал ее на лбы животных² и три раза легонько ударял каждое животное камнем по лбу. Это делали для того, чтобы приобретенный скот твердо держался в хозяйстве и приносил благодать и счастье. Иногда этот обычай в шуточной форме выполняется и в настоящее время.³

Скажем еще несколько слов о поверьях, связанных с различными домашними животными. Самым священным и почитаемым животным считалась овца, по преданию, вышедшая из рая.⁴ Мясо овцы считается самым вкусным и самым полезным, так как относится к категории «горячащих» продуктов,⁵ сало в ряде случаев употребляется как лекарство.

Барана-самца, по обычаю, резали на праздник Курбан. Если в этот день рождался ягненок, то его считали «барраи курбонӣ» (жертвенным ягненок) и резали на следующий праздник Курбан.

Помимо самой овцы, почиталось и считалось священным ее руно. Его считали «райским продуктом» (кучай биҳишти).

В противоположность овце, козел считался происшедшим от дьявола (зоти шайтон).⁶

Любопытное представление существовало о лошади. Ее считали происшедшей от дева (зоти дев). Считалось, что лошадь имеет крылья, благодаря которым она может так быстро скакать.⁷ Эти крылья будто бы бывают разного цвета—синего, желтого, красного, белого и иногда лю-

¹ Ср. М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, в. 1, стр. 134—135.

² Там же, стр. 134.

³ Иногда в виде шутки поступают таким же образом и в отношении людей. Если в дом приходит долго не бывший в нем друг, то хозяин бросает ему в лоб щепотку муки и делает вид, что хочет ударить его камнем в лоб, отводя руку в последний момент при общем весельи собравшихся.

⁴ Ср. М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, в. II, стр. 127—128.

⁵ Подробно см. Н. Н. Ершов и Н. Н. Кампанцев, О таибской медицине на Памире, Бюлл. Узб. инст. экспериментальной медицины, Ташкент, 1939, № 14, стр. 41.

⁶ Ср. М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, в. II, стр. 127—128.

⁷ Ср. с аналогичными представлениями в Кулябе. А. К. Писарчик, Кулябская этнографическая экспедиция 1948 г., Изв. ТФАН СССР, № 15, Сталинабад, 1949, стр. 89.

дям удается их видеть. Считалось, что к лошади часто приходит демон — «аджина». Вреда животному он не причиняет, но сплетает волосы гривы и хвоста в такие спутанные косички, что их бывает очень трудно расплести.

Отношение к собаке двойственное. С одной стороны, ее ценят за верность и называют «бафодор» (верным другом),¹ с другой — она считается поганой. Ее не допускали на ток во время обмолота хлеба, так как считается, что присутствующие на току ангелы, увидя собаку, покинут ток, а с ними исчезнет и благодать. Принимаясь за пищу, собаку отгоняли, чтобы ее дыхание не коснулось и не осквернило бы людей. До окончания еды и прочтения молитвы не полагалось давать этой пище собаке, чтобы она не оказалась участвующей в читаемой после еды молитве, что было бы грехом.

С собакой связан ряд суеверий. Если она роет землю и воеет, как волк, считается, что это к чьей-либо смерти. Если собака зарывает в землю данную ей лепешку, это тоже считается дурным предзнаменованием — кто-либо в селении умрет или наступит голод.

Некоторые суеверия связаны с криком животных. Считали, что если осел закричал ночью, значит он увидел «бало» (демоническое существо). В таком случае услышавшие крик осла прочитывали суру «Ло ҳавла» из корана.

Во всех горных районах считалось, что если курица крикнет попетушиному, то это сулит дому несчастье. Поэтому спешили скорее такую курицу зарезать и, таким образом, обратить грядущее несчастье на нее самое. Однако крик петуха, даже не во время, не считался опасным.² Утренний крик петуха считают оповещением крестьян о наступлении рабочего дня. Он якобы говорит: «О крестьянин, вставай, наступило время работы!» (Ҳой деҳқон, бихез, ки ваҳти кор шидаст!)

С криком петуха связано еще следующее поверье. Если кого-нибудь унесла или засыпала снежная лавина, на место несчастья выпускали петухов и ждали, где петух остановится и закричит. Считалось, что здесь должен находиться пострадавший. Этот прием, хотя и безуспешно, применяли в кишл. Сафедорон еще в 1935 г. Петухи замерзли и не кричали, а пострадавшего нашли живым и невредимым далеко от того места, где были петухи.³

Таким образом, обычаи, обряды и заклинания, связанные со скотоводством, имели целью оберегать молочное хозяйство и скот и обеспечить семье благополучие. Поэтому крестьяне обращались к святым, духам предков и покровителям домашнего хозяйства, чтобы они помогали им в повседневных заботах, нуждах, в хозяйстве и пр. Эти обычаи и обряды должны были защитить от того вреда, который мог быть нанесен «нечистой силой».

Ряд других обычаев и обрядов предназначался для умилостивления духов, чтобы они оказали людям помощь и покровительство.

Указанные обычаи и обряды в основном являются древними, домусульманскими, не имеющими ничего общего с мусульманской канонизированной религией. Но они, бытуя в повседневной трудовой жизни народа, мешали пониманию истинного смысла природных явлений.

Только победа Октябрьской революции, установление Советской

¹ Это название обычно употребляется вместо слова «собака» (саг) и в названии года собаки в счете годов по двенадцатилетнему животному циклу.

² В Шугнанае, а также и в Хуфе, если петух кричал ночью не во время, его также резали (М. С. Андреев, Таджики долины Хуф, в. II, стр. 309, примеч. 79).

³ Ср. Н. А. Кисляков, Охота таджиков долины р. Хингоу — в быту и фольклоре, «Сов. этногр.», 1937, № 4.

власти в Таджикистане, проникновение в массы научно-материалистического объяснения вещей и реального мира, общественное развитие человечества открыли глаза таджикам, в том числе таджикам Каратегина и Дарваза, сделали жизнь понятной во всем ее многообразии. Вот почему в настоящее время исчезли из среды таджиков существовавшие до недавнего времени вредные обычаи, обряды, представления и церемонии, связанные с животноводством. Их заменили сознательная жизнь, сознательное управление природой.
